Отношение к Солженицыну – определенная концептуальная проблема, особый водораздел. В этом пришлось убедиться однажды, когда один товарищ на литературном мероприятии стал обвинять меня и мое литературное поколение в бессовестности, в том, что мы оправдываем то, что происходило в Советском Союзе. Прилепин написал «Письмо товарищу Сталину», а я вот и вообще дошел до края – сфотографировался в футболке с изображением Сталина и выложил в соцсеть. Кошмар! Оправдание людоеда! Забыли о том, что писал Александр Исаевич!

Разговор этот происходил при Наталье Дмитриевне Солженицыной и, вероятно, должен был показать всю глубину бессовестности и беспамятства тех, кто пытается объективно и без лишних эмоций рассуждать о советском периоде страны. Разумно без стереотипов взглянуть на него, ведь история многим сложнее однозначных оценок и односложных реплик. Тот самый советский период воспринимают сейчас либо зияющей черной дырой, торжеством всего кошмарного и бесчеловечного, либо вспоминают с ностальгией по утраченному величию и грандиозным масштабам второй сверхдержавы. Без Солженицына здесь никак.

Солженицын был страстный человек. А страстность в России часто перерастает в жесткий выбор «или–или», в максимализм. До сих пор многие друг друга спрашивают: ты за «белых» или за «красных». Хотя прошло уже почти сто лет. Как правило, если человек делает выбор в ситуации «или–или», то он уже открещивается от всего остального. Если за «белых», то «красные» – воплощенное адище и нечего тут рассуждать, и наоборот. Разговоры о том, что вина на тех и других, как и правда

у тех и других, не воспринимаются всерьез. Нужен выбор. За ним идет причинно-следственная связь. Если за коммунизм, то значит и за ГУЛАГ. Хотя на самом деле, ничего это не значит. Все всегда намного сложнее.

Солженицын – художник-воин. В своей нобелевской речи он призывал: «Не отнекиваться безоружностью, не отдаваться беспечной жизни – но выйти на бой!» В состоянии боя он пребывал всю свою жизнь. Он создал себе образ мира, против которого страстно и самозабвенно выступал (надо сказать, что реальность щедро давала ему многие аргументы). Было в этом что-то донкихотское. Но в какой-то момент ты становишься несвободным от этой схватки. Уже не ты, а она тебя ведет, руководит тобой, без нее уже не можешь существовать.

Александр Исаевич не просто обличал ГУЛАГ, не просто был последовательным противником коммунизма, но его страстность довела до того, что он обрушился на все, в чем мог увидеть ростки этого самого коммунизма. «Имперский дурман», пробуждающееся русское национальное самосознание его крайне тревожило. Утверждал, что «надо перестать попугайски повторять: “мы гордимся, что мы русские”, “мы гордимся своей необъятной родиной”». Теперь вот мало кто гордится, а многие стыдятся…

Он почувствовал и приветствовал энергии разделения, распада и увидел в этом что-то новое, возможно, отличное от коммунистической «казармы». Он возрадовался распаду ненавистной Империи, отделению республик. Считал, что через это перед каждым новым государством будут подниматься его настоящие проблемы и они будут свободны от нацвопроса. Но не смог предусмотреть, что эти энергии, раз запущенные, потом будет крайне сложно остановить. И вот на территории бывшего СССР это разделение свирепствует уже больше двадцати лет и пока ему не видно предела. Он чувствовал распад, но не в силах был обозреть, насколько далеко он простирается, не понимал всю его опасность. Так сильно захватила его схватка, и только постфактум в своей работе «Россия в обвале» он сокрушался произошедшим, но не себя же в этом винить: все коммунисты, который в своей время сбили страну с пути истинного, а потом, перекрасившись в демократов, все сделали по наихудшему сценарию, и развал произошел тотальный.

Пассионарии типа Солженицына – люди кризисной эпохи. Они – архимедов рычаг, сдвинувший с привычной оси общество. Но дальше это самое общество живет уже своей жизнью, по своим законам, в судорожных попытках найти новую ось. А эти люди становятся либо утопистами, либо на их голову, как и на пророков, осыпаются многочисленные проклятия. Они искренне зовут от реального к идеально-должному, но потом может пойти совершенно непредсказуемое развитие событий или, наоборот, слишком предсказуемое. Разрушив коммунизм, компартию, «гранитную громаду КГБ», Солженицын видел свой проект будущего, но это будущее не ответило взаимностью. Надо ли его в этом винить?

Он считал, что с избавлением от государственного гнета, когда тот перестанет нависать «над каждым нашим действием и оплата станет справедливой – сразу поднимется качество труда и повсюду засверкают наши умельцы». Говорил, что «ценою нашего выхода из коммунизма не должна быть кабальная раздача иностранным капиталистам наших недр». Раздача недр произошла, пусть и не только иностранным капиталистам. Призывал освоить «дух самоограничения», но главный

лозунг страны, в которую он вернулся, был: бери от жизни все и никто никому ничего не должен. Надеялся на построение демократии снизу, на то, что общественные силы будут нарастать снизу. Но вот пришел октябрь 93-го года, когда все низовые общественные энергии были расстреляны из БТРов и танков…

Счастье и благоденствие не появляется сразу, если убрать что-то кажущееся плохим. В итоге произошло все по его словам: «весь XX век жестоко проигран нашей страной», а «из цветущего состояния мы отброшены в полудикарство. Мы сидим на разорище». Он считал, что это произошло из-за того, что «достижения, о которых трубили, все – мнимые». Прошло два десятилетия, и все чаще возникает мысль: может быть, в это полудикарство привела демократическая революция или контрреволюция, разрушившая ту самую Империю до основания, не дав ничего взамен? Кто знает…

Надо понимать простое, что как по Льву Толстому не стоит изучать историю Отечественной войны, так и Александр Солженицын – в первую очередь художник. Если говорить за себя, то в конце 80-х казалось, что Солженицын ворвался в школьную программу, в репертуар ее внеклассного чтения, мистически-загадочной и непривычной фамилией, в которой слышаться созвучия со «словом», «солью», «солнцем». Он пришел сказочным заморским и, казалось бы, таким русским местечком под названием Вермонт, семитомным собранием сочинений, состоящим из клееных томиков в тонком переплете, устрашающей аббревиатурой ГУЛАГ и чудовищной объемностью этой книги. Он пришел с простым зэком с простым именем Иван Денисович, с воззванием «Как нам обустроить Россию?», которое было напечатано в стране многими миллионами. Пришел как символ борца.

Тогда казалось, что с его бородой мудреца, с его словами приходит необходимое животворное обновление жизни. Вот она, настоящая литература, плотно связанная с отечественной, вот она мощь настоящего коренного писателя – рупора совести. Писать по-солженицынски на каких-то клочках бумажки, которые потом уничтожались, а тексты заучивались наизусть. Не это ли лучшая иллюстрация тезиса о сакральной ценности слова?!

Тот же «Архипелаг ГУЛАГ» поразил и привлек твердой уверенностью в важности писательского слова, ради которого можно многим пожертвовать, многое преодолеть. Страдания, боль, кровь, искреннее сопереживание – все это собиралось, копилось, пока не трансформировалось в книгу. Все это вызывало восхищение, воспринималось некой реинкарнацией русской классики. Солженицын представлялся реликтом, занесенным в наше время драгоценным ветром, которым дышали Гоголь, Лермонтов, Достоевский, Толстой.

К сожалению, так получается, что он переходит в разряд особых символов. О нем можно ничего не знать, не читать его книг, но иметь представление, как о некоем водоразделе, одинокой глыбе, которая стояла на развилке русских дорог, но линия истории опять пошла в каком-то совершенно ином направлении.

Теперь есть большие сомнения, что современный школьник будет испытывать подобные эмоции по отношению к тому же «Архипелагу» и что он вообще будет его читать. Эта книга важна была тогда в ситуации общественного бурления, когда легкие хватили свежего воздуха и от него закружилась голова, трещали по швам ризы старого мироустройства и мы с восторгом ожидали чего-то чудесного и замечательного.

Солженицын говорил про справедливость и совестливость. Стремился к подобию Царствия Божьего на земле. А как же иначе? Он – максималист.

Это уже практически ушедшая натура, исчезающий вид писателя, ориентированного исключительно на творчество, которое, в свою очередь, главным образом ставит перед собой задачу переобустройства мира с позиций морально-этических принципов. Мир всегда с ним входит в конфликт. Справедливости в мире не прибавилось, а может быть, даже и наоборот.

Шаламов в свое время обвинял русскую классику в тех бедах, которые свалились на страну в XX веке. По этой логике в бедах современной России можно упрекать Александра Исаевича, но это будет неправда.

Так получилось, что страна дважды впадала в зависимость от его творчества. В первый раз от «Архипелага ГУЛАГа». Ей сказали, что это зеркало, она всмотрелась в него, ужаснулась и стала иной. Второй раз, чтобы окончательно не потерять себя, пошла во многом по пути его публицистической книги «России в обвале», в которой он тоже вышел на бой.

Современная российская политика во многом – результат прочтения этой книги, которая появилась незадолго до президентства Владимира Путина. Результат чтения в первую очередь первым лицом.

От скреп и до Крыма, уход которого на Украину в 1991 году Солженицын называет государственным воровством и напоминает, что при разделе никто не вспомнил, что «Украине отдаётся несколько областей, фактически русских и по нынешнему населению, и по истории, отдаётся до 12 миллионов русских людей безо всякой гарантии хотя бы их культурного существования и юридической защиты». От отношения к распаду Союза, признания русских самым разделенным народом и до вопросов национализма и патриотизма. Екнуло сердце по поводу Южных Курил: Солженицын считал, что за них не стоит цепляться. Но нет, по счастью, вроде не во всем и не буквально следуют, хотя опыт вдумчивого прочтения отчетливо чувствуется.

Как это назвать? Особая форма литературной критики с переносом публицистики в плоскость реальной политики? Способ герменевтического истолкования текста посредством приложения его к реальной жизни?..

Относительно позиции самого Солженицына в нынешних реалиях даже вопросов не возникает: в 2014 году он горячо бы поддержал возвращение Крыма, переживал бы за Донбасс и наряду с Лимоновым и Прохановым писал бы колонки на RT, а я бы выложил фото нашего с ним соседства. Собственно, эти колонки он уже писал в своей книге «Россия в обвале». Кто-то прочел эту книгу и обвал остановил. Или скорее приостановил. Так или иначе, но сражений с этим обвалом еще много впереди.

Но собственно про «обвал». В книге «Россия в обвале» он в первую очередь обозревает события конца 80-х и последовавшие за ними девяностые, ставшие худшим из возможных сценариев развития событий.

По словам писателя «Россия – расплющена», при этом «оправдатели настаивают, что иначе и пойти не могло, другого пути не было, это всё – переходные трудности. Здравомыслящие – уверены, что здоровые пути были, они всегда есть в народной жизни». Писал он о том, что теперь надо думать «как выбираться из-под развалин». Сейчас ситуация также связана с этим самым призраком развалин, но вопрос

немного другой: как не допустить новых развалин. Россию кромсают, как единый организм, тогда это было и сейчас повторяется вновь. Своеобразный эффект эха получается, хотя уже давно нет этих самых коммунистов, от которых якобы было все зло в отечественной истории XX века. Или разве что винить себя за то, что не покаялись или плохо покаялись…

Александр Исаевич сетует на то, что «в самые ключевые дни, когда судьбу России можно было формовать как тёплый воск», верхушку власти занимали другие дела: «Победившая, наскоро сплотившаяся верхушка, войдя в очередной роковой акт Истории России, оказывается, думала только о власти, скатившейся в руки нечаянным подарком, ни о чём другом». У обвала был эффект неожиданности, все свалилось в руки разом, вот и побежали прибирать, пока не отобрали и за свалившемся не пришли. Печально знаменитое «беловежское соглашение» – это ведь форма произвола и авантюры, но которая случайным образом устоялась и аукается до сих пор. Было головокружение от ситуации. Что делать в глобальном плане и на большую перспективу, мало кто понимал и понимать не хотел, поэтому и процветало своеобразное властное мародерство и избавление от ответственности. Поэтому и большую страну растаскивали бездумно, не заботясь о будущем, поэтому и русский народ оказался самым разделенным, поэтому и было возможно государственное воровство с Крымом, русскими областями Украины, Казахстана и многое другое.

Брошенный, разделенный народ в противоположность делу его сбережения – небывалый позор отечественной истории. «Эта скорбная беженская эпопея – ляжет тёмной полосой на российские 90-е годы XX века. Без неё нет понимания ни современной России, ни современного Русского народа», – пишет Александр Исаевич. В связи с этой трагедией как раз и называет президент Путин развал Советского Союза гигантской геополитической катастрофой XX века.

Вообще во всем происходящем тогда не сложно было увидеть корыстные мотивы властных элит и их повальное предательство, ведь, как писал тот же Солженицын, в демократы перескочили бывшие коммунисты. Учуяли ветер перемен и стали ему способствовать, используя романтический порыв масс в деле собственной прагматики и будущего большого дележа. Но и корыстью все не объяснить или будет слишком плоско и тенденциозно. Видимо, на самом деле, в сгустке причин произошел обвал. Понять бы формулу этих причин, прочесть ее.

Что ввергло страну в худший сценарий и обвал, ведь не только печать греха – коммунистов?.. То было время не только большого обмана, но и больших иллюзий. Мы сами придумывали себе сказки и самоотверженно в них верили, как и в то, что «общечеловеческие ценности» примирят нас со всем миром, станут залогом всеобщего благоденствия, счастья и воплотится заветная формула «Миру – мир!». Может быть, так себе представляли тот самый коммунизм (только без коммунистов), о котором столько говорили?.. Вот и Солженицын писал о повальном ощущении счастливейшей поры, которая наступает в стране и осчастливит всех и каждого: «С конца 80-х годов разлившийся в нашей столичной образованности интернациональный восторг едва ли не перехлестнул и ранних большевиков. Российским либералам и радикал-демократам помнилось: распахивается отныне и навеки – счастливейшая эра на нашей планете: теперь и всем населением её, и всеми государственными деятелями овладеют общечеловеческие ценности,

которым, все дружно, мы и будем служить. А посему: какая-либо твёрдая внешняя политика России есть империализм или абсурд, крепкая власть в России – тирания».

Разве не эту установку вместе с «новым мышлением» давала тогда и сама власть, разве не ею она предельно ревностно руководствовалась в последние годы жизни страны, взяв на вооружение тактику капитуляции по всем фронтам и всем сферам? Александр Исаевич писал: «Сей интернациональный восторг, “новое мышление”, уверенно направил и действия горбачёвского руководства». Тогда поднимался и много обсуждался вопрос о необходимости самого государства, о разгосударствлении, о том, что не надо бояться слова «стихия». Тот же народ все сам лучшим образом управит, а еще лучше – рынок, который всемогущ и всеведущ. Об этом, например, проговаривалось в программном публицистическом сборнике тех времен с императивным названием «Иного не дано».

Та самая «эпидемия “общечеловечества”» позволила начертить и контуры современного мира с его жутким карнавалом, своеволием и системой подмен: «Новая Россия и помогла свершиться тому историческому переходу в мировом сознании, когда военное вмешательство держав в дела далёкой страны стало называться не “агрессией”, а “миротворческими усилиями”». В этом плане развал СССР трагическим образом сказался не только на народах некогда единого Союза, но и всего мира, который попал под ее ударную волну и своеобразное радиоактивное заражение, которое начало проявляться уже в девяностые Ираком, бомбардировками Югославии. Сейчас же, по сути, вернул мир в состояние новой-старой холодной войны. Произошло схожее воздействие на весь миропорядок, что и в начале века с его семью днями, потрясшими весь мир, только теперь, скорее, со знаком минус. Современный мир – следствие того недавнего обвала.

Мало того, развал Советского Союза – вовсе не финальный аккорд торжества «цивилизованных» стран и наступления эры тотальной демократии. Затем должны следовать процессы дальнейшей деградации России, что и наглядно проявлялось в девяностые. «Ясно же видно, что Западу нужна Россия технологически отсталая», – пишет Александр Исаевич. Могло ли такое откровение прозвучать в годы, когда торжествовала «эпидемия “общечеловечества”», сложно сказать. В данном случае писатель лишь фиксировал происходящие крайне удручающие процессы. В годы же самого распада он из своего вермонтского далеко рассуждал о том «Как нам обустроить Россию?», и рассуждения эти он предварял высказыванием: «Часы коммунизма – свое отбили. Но бетонная постройка его еще не рухнула. И как бы нам, вместо освобождения, не расплющиться под его развалинами». И вот теперь развалины, и из-под них надо выбираться…

Или вот другое откровение, которое у нас, даже в годы санкций и импортозамещения, к сожалению, до конца не осмыслено и не принято: «даже в нынешних усеченных границах Россия – экономически самодостаточна. И наша умолительная погоня за иностранными инвесторами – истекает из нашего допоследнего душевного упадка и отчаяния». Может быть, проблема все в той же ориентации на «общечеловечество», которое было губительно в недавней нашей истории, и мы до сих пор не сняли розовые очки? Не ценим, не доверяем сами себе, лелеем чувство неполноценности, хоть и хорохоримся, что санкции эти мы переживем, но в тоже время все оглядываемся на то,

как бы не впасть в изоляцию, как бы, как бы... Забываем про свою самодостаточность, а между тем именно от этой отправной точки следует исходить, как в политике, так и в экономике. Что уж говорить, процесс перенимания «западных форм жизни», о котором писал Солженицын, до сих пор происходит, страна во многом стреножена им. И очевидно, что это тоже форма не только экспансии и закабаления, но и развала, когда постепенно выхолащивается собственный уникальный уклад и переносится чужой.

Солженицын полагал, что распад Советского Союза был неизбежен, но при этом писал, что «не было никаких причин ожидаемый распад подталкивать». Необходимо было использовать «подготовительное время, чтобы уменьшить вред глубоким экономическим, бытовым и многомиллионным личным связям», но и этого не произошло, времени такого никто не дал или его попросту украли.

«Раскол СССР был совершён в опрометчивой спешке и наихудшим образом», в какой-то мере можно сказать, что и воровски. Все было пущено на самотек и отдано на откуп стихии и парадов суверенитетов, и в итоге «Неуправляемый раскол произошёл по неестественным, этнически не обоснованным административным границам (ленинско-сталинско-хрущёвское наследие), – границам, к которым, ещё более необоснованно, цепко следящий Запад тут же применил гарантию Хельсинкских соглашений».

«Наихудшим образом» не только по факту произошедшего, но и по отношению к будущему, так как развалом была дана отмашка на перекройку всей мировой политики с заложенными в этот процесс проблемами, которые сейчас аукнутся. Но была заложена и мина замедленного действия под отношения между бывшими советскими республиками. Те же нерешенные и отложенные территориальные вопросы рано или поздно будут набухать. Причем не только сами собой, но их еще и очевидно провоцируют, как в случае с Украиной: «Президент России смотрел назад: от чего поскорее отделиться (прежде всего – от власти Горбачёва), с чем распрощаться, – и нигде в том соглашении и вокруг него не проявлена забота, даже сама мысль, что Украине отдаётся несколько областей, фактически русских и по нынешнему населению, и по истории». Сейчас все это стало разменной картой для дестабилизации.

Не обходит писатель вниманием и влияние западной пропаганды на провоцирование атмосферы конфронтации в обществе и межнациональной вражды. Да и вообще во всем деле развала эта пропаганда сыграла важную роль. Он сам долгое время был инструментом пропаганды, потом же наблюдал, что государствообразующая нация – русская объявлялась порочной и осмеивалась. Другими нациями она уже перестала восприниматься в качестве объединяющей и цементирующей государственную структуру, а в качестве своеобразной ржавчины, не способной ни к чему. Эта пропаганда много сделала для разобщенности в обществе. Солженицын вспоминает серию передач «Русская идея» на радио «Свобода», где «издевательски опошляла и русскую историю, и русскую мысль, прямо требовала “мутации русского духа”, сокрушала русские мозги в безнадёжность, а в других слушателях наращивала неприязнь к русским. “Не являются ли русские народом прошлого, которого уже нет?” Униженная и отчаявшаяся Русь могла слышать: “причина тоталитаризма – русский родовой соблазн”» (11.12.89); “у русских всё всегда на костях да на крови, а добром русский народ

не умеет” (27.10.89); “говорить о патриотизме русском в такой стране просто бессовестно, безнравственно” (12.1.88)».

Даже с оглядкой на те годы, на весь трагизм произошедшего и руины вокруг, писатель полагал, что с коммунизмом в России необходимо было разделаться, как с режимом, который 70 лет якобы душил страну: «Нынешние вздохи заблудившихся патриотов, что “не надо было сокрушать коммунизм”, так-де хорошо “скреплявший” Россию, – это постыдный упадок духа перед убийцами». С коммунистами он категорически не мог примириться. Полагал их время за иго, раковую опухоль отечественной истории, которая внесла раздрай в ее путь.

Для примера, писатель Светлана Алексиевич, которую, видимо нобелевский комитет, воспринял за современного Солженицына, во всех бедах обвиняет «красного человека», который был выкован в стране за советские годы. Все это железобетонные версии, которые нельзя ни опровергнуть, ни подтвердить. Этакая позиция на уровне личной веры. Удобная формула сосредоточения зла. Вон на Украине и в других странах бывшего Союза активно проводят десоветизацию, вплоть до насильственных форм. И как раз получается, что таким образом разделываются с Россией. Совпадение это или так естественным образом получается, что от нашей советской истории никуда не деться, не замарать ее, не проклясть, так как она – последование тысячелетнему отечественному пути? На самом деле сложный вопрос, к которому нельзя с наскока подходить и удалой шашкой однозначные ответы вершить. Впрочем, можно сказать, что и этот солженицыновский посыл во многом воспринят российской властью, которая также ведет свою последовательную линию десоветизации.

В версии Солженицына причина «катастрофического крушения России» в 1991 году состояла и в том, что Советский Союз не был жизнеспособным образованием. Но в процессе обрушения его обломки сильно покалечили и Россию: «За несколько коротких дней 1991 года обессмыслены несколько веков русской истории. За два-три августовских дня смазаны и смыты два столетия русских жертв и усилий (восьми русско-турецких войн) выйти к Чёрному морю. Весь нынешний мир смотрит на нас и изумляется: как могла такая огромная Россия так внезапно ослабнуть, опасть духом и телом и начать стремительный саморазвал – не испытав ни крупного военного поражения, ни сотрясательной революции и гражданской войны, ни массового голода, ни эпидемий, ни стихийных бедствий. Всех поражает именно быстрота падения и непротивляемость наша в том – до утери самого инстинкта государственного существования. Земная история, может быть, не знает другого такого самоубийственного поведения этноса. Но это всё – совершилось. И мы обязаны это признать. И строить – вот уже на этих развалинах. При внешней мощи своей СССР (изобретенный Лениным к концу его жизни) внутренне не был здоровым государственным образованием». Тут логика понятна: СССР был ошибкой, болезненным сном русской истории, мало того, его гибель перечеркнуло многое из отечественной истории, в том числе территориальные владения. С Союзом писатель связывает «отказ от русского культурного своеобразия, от тысячелетия за нашей спиной». Да и это «самоубийственное поведение этноса», видимо, по его мысли, тоже определенное наследие СССР, который источил все самозащитные механизмы нации.

В стране была создана атмосфера тотальной распри, под прикрытием которой бывшая номенклатура переобулась в воздухе в соответствии с духом времени и вновь объявила себя хозяином жизни: «“Демократы” и “патриоты” полосовали друг друга бранью вместо того, чтоб объединиться против живучего, изворотливого коммунизма и комсомольства. И те и другие органически не были на то способны. Горе стране, где слова “патриот” или “демократ” считаются бранью… А за это время коммунистическая номенклатура успешно пересоставлялась в “номенклатуру демократическую”, коммерческую и вместе со сметливыми, ещё вчера никому в стране не известными хапугами – овладевала постами, капиталами. И после удачно выигранного времени только и могла благодарно кивнуть противоборцам на две растеснённые обочины: “Спасибо за вашу Распрю!”». По словам автора «России в обвале»: «между огненно накалёнными полюсами создалось мёртвое поле», а «мазутная полоса этой распри осталась промазана и через сегодняшнюю нашу жизнь», и сама она еще не изжита. Да и номенклатура, схожая с той, и сейчас живее всех живых, во многом копирует поведенческую модель того времени, которое стало эпохой ее победы.

Ответил писатель в своей книге и на вопрос о возможности реставрации СССР: «Нет, восстановление СССР никак бы не было теперь в интересах и ко здравию русского народа – это было бы утопление его в набухающем азиатском мире. Контуры СССР – для нашей страны невозвратимы, и всякие побуждения к тому надо покинуть как самые пустые. Они ещё и вредны: всякие требования или разговоры о восстановлении СССР лишь углубляют в отошедших от нас государствах – враждебность к тем русским, кого мы бросили, предали там, ставят их под новые гонения. А в нас самих – этот лозунг только подавляет собственное национальное сознание». Современная российская политика также последует за этой писательской мыслью. Но, с другой стороны, дело ведь не только в «контурах СССР», а в первую очередь о духе той эпохи, о той же справедливости и превознесении простого человека, для которого были предоставлены все социальные лифты, о социализме, в конце концов…

И, конечно же, главный посыл и вопрос «России в обвале»: выстоим или рухнем, и отечественной цивилизации грозит «национальная гибель». Вопрос этот и до сих пор не снят с повестки, а возможно, даже сейчас более заострен.

Александр Исаевич резюмирует, что «русский народ в целом потерпел в долготе XX века – историческое поражение, и духовное, и материальное. Десятилетиями мы платили за национальную катастрофу 1917 года, теперь платим за выход из неё – и тоже катастрофический. Мы сломали не только коммунистическую систему, но доламываем и остаток нашего жизненного фундамента. Осознать – не значит принять и покориться. Но значит: опомниться, пока ещё не истекли все сроки». Мысль его однозначна и, конечно же, связана с донкихотским порывом и настойчивым стремлением сражаться с коммунистическими мельницами, а в этом деле по пословице «лес рубят – щепки летят». В какой-то мере этот процесс рубки и оправдывает и щепки и обломки. В этой однозначности есть и ее слабость, и сужение взгляда, да и комплекс вины, который так или иначе перекладывается на русский народ. Эта вина за поражения становится практически первородным грехом, который необходимо искупить, чтобы в будущее получить заветный билет.

В солженицынском восприятии «наше спасение – только в нашем самодействии, возрождаемом снизу вверх. Ах, если бы, если бы мы были способны к истинному всеобъединению: мирными средствами, но воистину всенародно выразить наш гнев – так, чтобы власти в своём мраморном корыте задрожали и очнулись. В других странах такими массовыми выходами и поворачивают ход своей истории». Писал он это так будто, весь XX век не был русским самодействием, и народ тут не менял ход истории. А где же тогда был народ? Куда его спрятали, извели подчистую и испортили?..

Солженицын был идеолог, был и инструментом пропаганды. Ревизию своих взглядов он не проводит, ведь это было бы равносильно перечеркиванию многого, а то и отречению от своего творчества. Что в его случае невозможно. Он был догматиком, причем довольно-таки фанатичным. Он не искал, а изрекал. И даже руины его ничему не научили, хотя вполне возможно, что он и жаждал их, чтобы начать все сначала. Быть может, фанатизм многих в те годы и не дал шанса для страны пойти по менее печальному и трагическому сценарию развития событий.